

Исмаева Р.М.

КР Улуттук илимдер академиясы

Исмаева Р.М.

Национальной академии наук Кыргызской Республики, м.н.с.

Ismayeva R.M.

National Academy of Sciences Kyrgyz Republic, Researcher

SPIN-код: 2999-8947

**"БАКЫТТЫ ИЗДӨӨ" СЫЯКТУУ ДУНГАН БААТЫР ЖОМОКТОРУ
(МОРФОЛОГИЯЛЫК ИЗИЛДӨӨ ЖАГЫНАН)
ДУНГАНСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗКИ ТИПА "ПОИСК СЧАСТЬЯ"
(С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)
DUNGAN HEROIC TALES OF THE "SEARCH FOR HAPPINESS" TYPE
(FROM THE POINT OF VIEW OF MORPHOLOGICAL STUDY)**

Аннотация: Орто Азиянын дунган прозалык фольклорунда “бакты издөө” тибиндеги баатырдык жомоктор калктын кеңири катмарында кадыр-баркка ээ. Баатырдык жомоктордун «бакты издеп» тибиндеги сюжеттериндеги кыймыл-аракеттин өнүгүшүн мүнөзү жакын каармандар ишке ашырат. Алардын иш-аракеттеринде бакыт, жакшылык, ийгилик, сүйүү, тынчтык ж. Кыймылдын өнүгүшүнүн реалдуу факторуна ылайык «бакты издөө» тибиндеги баатырдык жомоктордун сюжеттери окшош структуралык моделдерге ээ. Бул макалада ушул популярдуу фундаменталдык сюжет түрүндөгү он төрт текст документтештирилет.

Аннотация: В дунганском прозаическом фольклоре Центральной Азии героические сказки типа “поиск счастья” пользуются уважением в широкой народной среде. Развитие действия в сюжетах героических сказок типа “поиск счастья” осуществляют близкие по характеру персонажи. Они в своих действиях связаны идентичной задачей по поиску счастья, добра, удачи, любви, умиротворения и т.д. В соответствии с настоящим фактором развития действия сюжеты героических сказок типа “поиск счастья” обладают схожими моделями структурного строения. В этой статье зафиксировано четырнадцать текстов из этого популярного фундаментального сюжетного типа.

Annotation: In the Dungan prose folklore of Central Asia, heroic fairy tales such as “the search for happiness” are respected in a wide popular environment. The development of action in the plots of heroic fairy tales such as “the search for happiness” is carried out by characters close in character. They are connected in their actions by the identical task of finding happiness, goodness, luck, love, peace, etc. In accordance with the present factor of action development, the plots of heroic fairy tales such as “the search for happiness” have similar models of structural structure. Fourteen texts from this popular fundamental plot type are recorded in this article

Негизги сөздөр: жомок, сюжет, бакыт, фольклор, талдоо.

Ключевые слова: сказка, сюжет, счастье, фольклор, анализ.

Keywords: fairy tale, plot, happiness, folklore, analysis.

В дунганском прозаическом фольклоре Центральной Азии героические сказки типа “поиск счастья” пользуются уважением в широкой народной среде. В этом подразде мы

зафиксировали четырнадцать текстов из этого популярного фундаментального сюжетного типа (“Вучын стал императором”, “О том как простодушный Мин искал счастье”, “Золотая птица”, “Братья”, “Ответ солнца”, “Щинчон”, “Драконова табличка”, “Золотая рыбка”, “Семеро и один пес”, “Санбый и Нэжер”, “Желчь белого барса”, “Три вопроса”, “Зеленый попугай”, “Сорока на ветке сливы”). Они объединены широко известным в сказочном эпосе поиском счастья, добра, здоровья, любви, умиротворения и т.д. Соответственно сюжеты с общим идейным стержнем обладают схожей структурной особенностью. Не случайно мы часто обнаруживаем множество сходных вариантов в текстах волшебного сказочного эпоса самых различных народов.

Довольно часто нашим сюжетам соответствуют какие-либо общие сходные схемы из международных указателей сказочных сюжетов А. Аарне, С. Томпсона, Н.П. Андреева, Л.Г. Барага, И.П. Березевского, К.П. Кабашникова, Н.В. Новикова Г.Дж. Утера, Б. Кербелите и др. В “Прозаическом фольклоре хуэйцзу Центральной Азии” И.С. Шисыр приводит следующий интересный факт: “Сюжет “Золотой рыбки” обладает сходными элементарными функциональными единицами с AaTh 303 (“Близнецы или сводные братья”). В “Золотой птице” развитие действия вполне идентифицируется с сюжетной схемой AaTh 550 (“Поиски золотой птицы”). Сказка “Семеро и один пес” имеет одинаковое сюжетное развитие с AaTh 460 A (“Путешествие к богу для получения вознаграждения”) и Eb 125 (“Вопросы к небу”). В “Трех вопросах” можно найти сходные ходы действия персонажей с AaTh 460 B (“Путешествие в поисках удачи”), Eb 125 (“Вопросы к небу”), Ik 460 B (“Путешествие в поисках удачи”)) [1, С. 99] и т.д.

Развитие действия в сюжетах героических сказок типа “поиск счастья” осуществляют близкие по характеру персонажи. Они в своих действиях связаны идентичной задачей по поиску счастья, добра, удачи, любви, умиротворения и т.д. В соответствии с настоящим фактором развития действия сюжеты героических сказок типа “поиск счастья” обладают схожими моделями структурного строения. По всей видимости, мотивы этого замечательного фундаментального сюжетного типа возникли в фольклоре самых разных народов по совершенно схожей исторической причине. “По всей вероятности, возникнув в незапамятные времена, - пишет С.А. Каскабасов в “Казахской несказочной прозе”, - эти идеи и сюжеты затем не раз обновлялись и возрождались в те периоды истории народов, когда складывались трудные или кризисные ситуации, вызванные разными факторами: вторжением чужеземных полчищ, миграцией в другие края, усилением гнета со стороны правящей верхушки и т.п.” [2, с. 218]

По этой причине для всех зафиксированных сюжетов типа “поиск счастья” дунганской волшебной сказки характерны близкие по строению модели функций действующих персонажей. Однако близость самого структурного строения из-за общей тематики ещё не означает абсолютной повторяемости сюжетных ходов во всех текстах. В каждой зафиксированной сказке известные повествовательные ходы всегда моделируются в зависимости от внутреннего состояния фольклорного материала. Соответственно при всей схожести формы структурного построения, модели функций действующих персонажей, близости психологического поведения и т.д. героические сказки типа “поиск счастья” обладают самостоятельными художественными особенностями.

Не все тексты, зафиксированные в нашем рабочем указателе сюжетов, обладают нужными фольклорными качествами. Сказки “Семеро и один пес”, “Братья”, “Драконова табличка” представляют собой случай нереализованного до конца сюжетного действия, так

как некоторые важные ходы растеряны в силу переноса акцента на второстепенные события. В сюжетах “Золотая птица”, “Золотая рыбка” допускается неоправданное смешение функций персонажей из-за плохой сохранности в репертуарах многих сказочников. В текстах “Братя”, “Золотая птица” фигурируют немотивированные сказочные элементы, потому что здесь размыты мотивы помощи чудесных помощников (белобородого старца, тигра, змеи, изумрудно-зеленой птички, пчелы). В сказке “Ответ солнца” усматривается чрезмерно упрощенный вариант широко известного в евразийском сказочном эпосе сюжета о поисках здоровья, счастья и богатства с элементами этиологического предания⁷. В “Золотой рыбке” ощущается неразвитость ряда сюжетных ходов, когда один из героев получает чудесную клюку старухи-ведьмы, с помощью которой можно умерщвлять и оживлять, но о ней далее ничего не говорится. В сказке “Семеро и один пес” отчетливо чувствуется чрезмерное влияние современного мышления, когда таинственная пещера локализуется неожиданно в современное государство Италию⁸.

Мы переходим к структурному анализу сюжетов героических сказок типа “поиск счастья” в дунганской волшебной сказке Центральной Азии. Рамки требования к научному исследованию позволяют нам не останавливаться подробно на анализе всех четырнадцати зафиксированных сюжетов. По этой причине мы выборочно остановимся на наиболее ярких текстах поиска счастья, добра, удачи, любви, умиротворения. В нашу задачу входит попытка создать общую картину структурного строения этого фундаментального сюжетного типа в дунганской волшебной сказке на основе существующих функциональных синтагматических ходов.

З а в я з к а. Сюжеты героических сказок типа “поиск счастья” в фазе завязки в какой-то степени “приземлены” к реальной действительности из-за обыденного характера описываемого события. На самом деле известные сказки обычно начинаются с некоторой повседневной жизненной исходной ситуации. В подобных случаях часто сообщаются реальные понятия о времени, месте жительства, семье, социальном положении главного персонажа. Такая необычная исходная ситуация, состоящая из конкретных начальных функций, представляет собой важный морфологический связующий элемент. Без знания этой первоначальной исходной сказочной ситуации весьма трудно приступить к описанию последующего основного развития действия в волшебной сказке типа “поиск счастья”.

Достаточно обыденно разворачиваются вступительные действия в сказках типа “поиск счастья”. “Жил когда-то в старые времена один бедняк. Его звали мин⁹. Он жил беднее всех бедняков, потому что был на редкость простодушный и нерасторопный, настоящий лоши¹⁰. Куда бы Мин ни пришел наниматься на работу – всюду он опаздывал, всюду его опережали другие. Ел он, что придется, жил в старой лачуге, которая досталась ему от родителей. Но было у него дома до того неприветливо и пусто, что он, бывало, ночевал где-нибудь под мостом или в караван-сараяе.

⁷ “Они очень обрадовались и тотчас же так и сделали, как солнце велело: крестьяне надели на соху железный лемех и запрягли волов, чтобы на них пахать, а пастухи стали дважды в год овечью шерсть стричь”. [4, с. 157]

⁸ “Одни говорят, будто эта пещера находится в Китае, другие утверждают, что она - в Италии”. [4, с. 160] Возможно, рассказчик И. Щимеев перепутал Италию со схожей по звучанию Индией. Во многих сюжетах народов Дальнего Востока о поисках здоровья, счастья, богатства посылают героя именно в Индию.

⁹ Мин – блеск; блестящий.

¹⁰ Лоши – протак; простодушный.

И вот надоела ему эта жизнь. Он решил искать счастье. Слышал он от старых людей, что далеко в горах, в пещерах живут шинсяни...” [3, с. 90-91].

“Давным-давно жила одна старуха с сыном. Сына звали Щинчон, что значит добрая душа. Шло время. Щинчон вырос, и настала пора его женить. За невесту надо было дать выкуп, но мать с сыном жили очень бедно, и денег у них не было. Мать Щинчона от того сильно горевала, уж очень ей хотелось помянчить внуков. Вот однажды старуха говорит сыну: Сходил бы ты, сынок, к мудрецу и спросил, как разбогатеть...”. [4, с. 149]

”Очень давно в деревне близ Куньмина¹¹ жил старик по имени Ма Иншэн со своей старухой. Они поженились тридцать лет назад, а то и раньше, но детей у них так и не было. А как хотелось сыночка!

– Милостивый Аллах! Пошли нам сыночка! – каждый день молили старики...”. [4, с. 185].

После такого типичного реалистического зачина события в сюжетах фундаментального типа “поиск счастья” уже облачаются в сказочные одеяния.

В фазе завязки героических сказок типа “поиск счастья” определяющей функцией в цепочке инвариантов следует считать “недостачу”. На самом деле именно типичные жизненные “недостачи” заставляют героев совершать самые настоящие героические подвиги. Все остальные функции в фазе завязки, то есть синтагматические ходы, выполняют несколько иную задачу. По своей значимости остальные функции в фазе завязки должны подвести сюжет к образованию “недостачи”. В нашем случае “недостача” является единственной работающей функцией в этом элементарном последовательном круге. В сущности только функция “недостача” реально обеспечивает продвижение действия на первоначальном событийном этапе.

В сюжете “О том, как простодушный Мин искал счастье” бедный, простодушный и нерасторопный Мин, когда ему надоела повседневная нищая жизнь, решает идти по свету искать счастье. В сказке “Щинчон” старушка из-за своей бедности не может женить единственного сына, хотя “уж очень ей хотелось помянчить внуков”. В “Драконовой табличке” жестокая засуха, которая длится целых два года, вынуждает жителей деревни близ Куньмина питаться корой деревьев, съедобными растениями, кореньями, чтобы не умереть с голоду. В “Золотой птице” мелкий дождь, который зарядил на несколько месяцев, оставляет трудолюбивую семью Ша в таком положении, что “незачем им крышку котла открывать”. В тексте “Семеро и один пес” тяжелая жизнь выгоняет на улицу семерых бедняков, которые решаются идти к богу просить богатство. В “Желчи белого барса” молодые люди отправляются в дорогу, так как острая нужда в желчи белого барса и траве “маляньсянь” ставит жителей небольшой деревни на грань вымирания и т.д.

Развитие действия. В этой решительной фазе структурного строения героических сказок типа “поиск счастья” герои приступают к необходимым действиям. Они серьезно реагируют на известные “недостачи”, которые постепенно материализуются в результате различных природных, социальных, физических обстоятельств в социальной действительности. В сказке “О том, как простодушный Мин искал счастье” Мин отправляется в путь искать настоящее счастье. В сюжете “Щинчон” старушка провожает Щинчон к мудрецу, чтобы попросить у него совета, как можно заработать немного богатства. В “Золотой птице” братья Ша Исянь, Ша Ичжэнь, Ша Идэ собираются к волшебной птице, которая может дать добрым людям счастье. В “Драконовой табличке”

¹¹ Куньмин – главный город провинции Юньнань.

юноша Ганьхань отправляется в путь к царю драконов¹², чтобы попросить для односельчан дождь. В “Желче белого барса” односельчане отправляют Шываза и Амэ в горы за желчью белого барса и волшебной травой “малянсьянь” для приготовления лекарства для односельчан и т.д.

В героических сказках типа “поиск счастья” герои-искатели, после отправки из-за существующей “недостачи”, на своем пути встречаются с ожидающими дарителями. Сказочные дарители, исходя из индивидуальной функциональной роли, подвергают героев-искателей многочисленным своеобразным испытаниям. В этом функциональном фундаментальном типе помощники, в отличие от дарителей героических сказок “змееборческого” типа, после правильной реакции героев не ограничивают свою помощь добрым благословением. Они снабжают героев-искателей волшебными помощниками, чудодейственным оружием и необходимыми полезными мудрыми советами.

В героических сказках типа “поиск счастья”, как показывают нами зафиксированные сюжеты, существуют два вида испытателей. Это шэньсянь-бессмертные (“Братья”, “Щинчон”, “Желчь белого барса”, “Сорока на ветке сливы”, “Зеленый попугай”), святой Хизир (“Три вопроса”), старушка-ведьма (“Золотая птица”), дочь дракона (“Драконова табличка”), золотая рыбка (“Золотая рыбка”) и др. По роду испытательных действий они делятся на “профессионалов” и “непрофессионалов”, т.е. постоянных и непостоянных дарителей героев-искателей.

В дунганской волшебной сказке постоянных “профессиональных” дарителей, т.е. испытателей первого плана, бывает не так уж много. В национальном сказочном эпосе встречаются только старики-шэньсянь, старушки-шэньсянь, святой Хизир, благочестивый Нух и дух богатства Цайшэнь. В силу святости “профессиональные” испытатели всегда считаются добрыми дарителями. В соответствии с деятельностью, после испытания героев на честность, порядочность, воспитанность, известные дарители благословляют их, дают им мудрые советы, а иногда одаривают чудодейственными предметами.

В дунганском сказочном мире дарителей второго плана существует предостаточно. “Они по своему физическому свойству делятся на три типа: мифологические существа (цари драконов, чилины, фениксы, тысячелетние змеи, лисы, тигры); зооморфные существа (золотой жеребенок, волшебный баран, говорящая корова); антропоморфные существа (старуха-ведьма; человек, который выпивает сразу целую реку; богатырь, который сбрасывает ударом ноги огромные скалы; карлик, который слышит разговоры людей за тысячу ли, приложив ухо к земле) и т.д. [1, с. 96] Как правило, по своей этической сущности испытатели из второго плана глубоко эгоистичны. Они обычно содержат в себе как добро, так и зло. Соответственно реагируют на просьбу в зависимости от поведения встретившихся на их пути героев. За доброе отношение к ним дарители могут даже наградить волшебными помощниками, предметами, ценными советами.

Кульминация. В фольклоре героические сказки типа “поиск счастья” обладают своеобразным структурным строением. В отличие от героических сказок “змееборческого” типа известные материалы не имеют функции “bis”, объединяющей “в один рассказ целый ряд сказок”. [5, с. 55] Настоящие сказки состоят из единой цельной цепи фундаментальных

¹² В дунганский фольклор драконы пришли из буддийской мифологии. Сегодня в фольклоре известны различные виды драконов. Соответственно каждый из них имеет свой характер, особое свойство и возможности. В буддийской сутре “Книга удивительного лотоса” (“Мяо фа лянхуа цзинь”) значится восемь великих князей-драконов. Это Нань-то лунван, Ба Нань-то лунван, Со цзя-ло лунван, Хэ Сю-узи лунван, Дэ Ча-цзя лунван, Ана-по лунван, Ци-мо На-сы лунван и Ю По-ло лунван. Вся водная стихия находится в ведении великих драконов. Существует также множество подчиненных безымянных драконов с локальными занятиями. Один управляет дождем, второй – колодцами, третий – родниками, четвертый – реками и т.д.

повествовательных атомов. Здесь нет никакой надобности в дополнительных функциональных единицах, так как существующие сюжетные перипетии вполне достаточны, чтобы раскрыть сказочный характер героев.

В кульминационной фазе героических сказок типа “поиск счастья” герои-искатели в скором времени достигают места разрешения поисков “недостачи”. В большинстве случаев искатели без вступления в противоборство решают все проблемы. Однако существуют некоторые сюжеты, в которых жизненные противоречия не могут быть разрешены без борьбы с обладателями предметов поиска. Известные произведения в генетическом отношении близки по сюжету, структуре и поэтике к героическим сказкам “змееборческого” типа, с которыми они некогда были скорее тесно связаны.

Мин (“О том, как простодушный Мин искал счастье”) встречается с шэньсянь и удостоивается настоящего счастья стать бессмертным. Ша Идэ (“Золотая птица”) доставляет золотой птице “материн наказ да благословение”. [4, с. 199] Щинчон (“Щинчон”) получает ответы на три главных вопроса от доброжелательного седовласого старца из пещеры. Исмару (“Ответ солнца”) за почтительность к старшим людям матушка солнца великодушно вручает живую воду для возвращения к жизни умершего дедушки. Шысыру и Амэ (“Желчь белого барса”), добрые феи, вручают желчь белого барса и целую корзину волшебных “маляньсянь”. Юноша Ганьхань (“Драконовая табличка”) драконовой табличкой раскрывает череп Царю драконов, сам превращается в дракона и посылает долгожданный ливень на землю и т.д.

Р а з в я з к а. Героические истории типа “поиск счастья” в дунганской волшебной сказке не обладают сложной концовкой. Настоящие сказки с ликвидацией начальной “недостачи” практически завершаются. В этом виде национальной волшебной сказки завершающие фундаментальные функции в фазе “развязки” скоро переходят к завершающим практическим действиям. Все остальные второстепенные конфликты разрешаются совершенно просто, сразу же после ликвидации первоначальной основной “недостачи”.

После получения необходимых предметов изначального “поиска” – здоровья, счастья, богатства – герои-искатели стремительно возвращаются в родные края. Возвращение домой героев происходит в большинстве случаев в тех же формах, что и отбытие (“О том, как простодушный Мин искал счастье”, “Ответ солнца”, “Щинчон”, “Три вопроса”). В некоторых случаях возвращение домой приобретает форму мгновенного перемещения, благодаря помощи дарителей в виде волшебных помощников, средств, советов и действий (“Золотая птица”, “Желчь белого барса”, “Драконова табличка”).

В героических сказках типа “поиск счастья” исключениями выступают сюжеты “Золотая рыбка”, “Братья”, “Семеро и один пес”. Они относятся к весьма архаическим формам волшебной сказки. Соответственно кардинальные сюжетные ходы в известных историях обладают своеобразными отличиями. Мотивы состязания между Мэйва, Нува и принцессой в оборотничестве (“Братья”), встречи между братьями Лода, Лоэр и Лосань со старухой-ведьмой (“Золотая рыбка”), взаимоотношения между семерыми бедняками и собакой (“Семеро и один пес”) красноречиво подтверждают наши предположения. Сказочники дополняли некоторые потерянные ходы действия путем соединения ряда традиционных мотивов из арсенала дунганского фольклора. Не случайно Б.Л. Рифтин охарактеризовал сказку “Золотая рыбка” как “оригинальную контаминацию различных мотивов волшебной сказки”. [6, с. 457]

В этом подразделе мы рассмотрели дунганские героические сказки типа “поиск счастья” Центральной Азии. Известные сюжеты несут в себе основные характерные свойства героических сказок типа “поиск счастья” других народов. К такому выводу подталкивают сравнения сюжетных ходов, мотивов, кардинальных единиц анализов, образов наших и сходных текстов из каталогов А. Аарне, С. Томпсона, Н.П.Андреева, В. Эберхарда, Л.Г. Барага, И.П.Березевского, К.П. Кабашникова, Н.В. Новикова, Г.-Й. Утера, Б. Кербелите и др. Однако дунганские героические сказки типа “поиск счастья” при всей схожести с типичными международными сюжетами из известных каталогов все же обладают глубоко национальными эстетическими чертами.

Список использованной литературы:

1. Шисыр И.С. Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии /дис. ... доктора филологических наук. – 442 с.
2. Каскабасов С.А. Казахская сказочная проза. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 260 с.
3. Дунганские сказки / Сост. Х. Юсуров; Пер. М. Ватагина. – Фрунзе: Мектеп, 1970. – 259 с.
4. Дунганские сказки и предания. – М.: Наука, 1977. – 575 с.
5. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Изд. 2-е. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
6. Источники и анализ сюжетов дунганских сказок // Дунганские сказки и предания – М.: Наука, 1977. – С. 403-506.

УДК 81-139

DOI 10.58649/1694-8033-2023-3(115)-43-50

Ле Ли

Түндүк батыш педагогика университети, Эл аралык маданият алмаштыруу колледжи, КЭР

Ле Ли

Колледж международного культурного обмена Северо-Западного педагогического университета

Le Li

College of International Cultural Exchange, Northwest Normal University

КЫРГЫЗСТАНДЫН ЧЕТ ӨЛҮК СТУДЕНТТЕРИНИН «了(LE)» КЫТАЙДЫН ДИНАМИКАЛЫК ЖАРДАМЧЫЛЫГЫН САТЫП АЛУУДАГЫ КАТАЛАРДЫ ТАЛДОО

АНАЛИЗ ОШИБОК ПРИ ПРИОБРЕТЕНИИ КИТАЙСКОГО ДИНАМИЧЕСКОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО “了(LE)” ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА

ERROR ANALYSIS OF THE ACQUISITION OF THE CHINESE DYNAMIC AUXILIARY “了(LE)” FOR INTERNATIONAL STUDENTS IN KYRGYZSTAN

Аннотация: Кытай динамикалык жардамчысы “了(Le)” кытай грамматикасынын маанилүү компоненти болуп саналат. Экинчи тилди үйрөнүүчүлөр үчүн “了(Le)” тилин так өздөштүрүү жана колдонуу тилди билүү деңгээлин жогорулатуу үчүн абдан маанилүү.